

Путь Марии Биешу

Мы сидим с ней на скамейке в тихом и тенистом уголке парка. Она смеется, блестя зубами и темными глазами.

— Этапы моей жизни? Их было немного, зато они очень контрастные. Если бы десять лет назад мне на полчаса открыли сегодняшний день, сказала бы — фантастика.

Действительно, путь, который она прошла за последнее десятилетие, необычен и ярок. Не удивительно, что она стала превосходной оперной актрисой, не удивительно, что стажировалась в Италии, в театре Ла Скала. Но две, одна за другой, блистательные победы на международных конкурсах — в Москве и Токио — хоть и закономерны, но все-таки поражают.

А она задумалась, вспоминая детство, старинное молдавское село Волонтировку, тогда еще молодую, красивую мать — лучшую певунью в округе.

— Я была совсем крошкой, а запомнила и пела все, что слышала от старших. Придут к нам, бывало, гости, отец посадит меня на стол: пой! Я и пою все, что знаю.

...Ее тоненькие каблочки отстукивают какую-то веселую мелодию по древним каменным плитам миланских улиц. Где-то там, за мраморными громадами дворцов, знаменитый театр Ла Скала. Там ждет маэстро Пьяцца, сказавший, что у нее природная постановка голоса, очень похожая на ту, какую дает знаменитая школа бель канто. Он готовит с ней оперные партии Аиды и Тоски.

— Там, в Милане, я, пожалуй, впервые почувствовала себя оперной актрисой. Если уж меня, простую молдавскую девчонку, страна послала в этот центр певческой культуры мира, я должна стать и буду настоящей Аидой, нежной и самоотверженной, настоящей Тоской, готовой на все в своей всепоглощающей любви, гордой Татьяной, преданной Чيو-Чю-Сан.

Прошлый год был для меня и трудным, и радостным. Италия, конкурс, да к тому же земляки оказали мне высочайшую честь, избрав депутатом Верховного Совета СССР. А ее надо оправдать.

— Ну, следующий год был, наверное, не легче?

— Да, пожалуй. Только успела закончить стажировку в Милане, как начался конкурс «Мадам Баттерфляй». Вот тут уж пришлось поволноваться! Ведь в Токио съехались певицы из многих стран мира. Нам с Ламарой Чюния, солисткой киевской оперы, очень хотелось, чтобы победило советское искусство. Мы все время подбадривали друг друга, старались полнее вжиться в образ. Да и сама обстановка помогала.

В дни конкурса в краю цветущей сакуры нам все напоминало о великой любви и самоотверженности маленькой японской гейши — и возложение венков на могилу певицы Миуры Тамаки, свыше двух тысяч раз певшей партию Чю-Чю-Сан, и экскурсия в Нагасаки, к домику, где, по преданию, жила героиня оперы Пуччини. И вот победа! Словно на крыльях, подняла нас с Ламарой радость: лучшие Чю-Чю-Сан мира — советские певицы! Это наш подарок Великому Октябрю.

А. КУТЫРЕВА.

Г. Москва

СЕМ 1967